

Литература

1. Зубов, А. Б. Парламентская демократия и политическая традиция Востока / А. Б. Зубов — М., 1990.
2. Межэтнические конфликты в странах зарубежного Востока / отв. ред. А. А. Прусаускас. — М., 1991.
3. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. — М., 2003.
4. Gärde, J. Patterns of Religiosity among Sunnis, Shias, and Christians in Lebanon's Multi-confessional Context / J. Gärde // Middle East Critique.— Fall 2012.— Vol. 21.— № 3.— P.291–308.
5. Lambert, Y. Religion in Modernity as a New Axial Age: Secularization or New Religious Forms? / Y. Lambert // Sociology of Religion.— Autumn 1999.— Vol. 60.— № 3.— P.303–333.
6. Pettersson, T. Religion in Contemporary Society: Eroded by Human Well-being, Supported by Cultural Diversity / T. Pettersson // Comparative Sociology.— 2006.— Vol. 5.— № 2–3.— P.231–257.
7. Phares, W. Lebanese Christian Nationalism. The Rise and Fall of an Ethnic Resistance / W. Phares.— Boulder, London, 1995.
8. Rabil, R. G. Religion, National Identity, and Confessional Politics in Lebanon: The Challenge of Islamism / R. G. Rabil.— N.Y., 2011.
9. Salamey, I. Failing consociationalism in Lebanon and integrative options / I. Salamey // International Journal of Peace Studies.— Autumn/Winter 2009.— Vol. 14.— № 2.— P.83–105.

В. В. Слободенюк

Краснодар, Кубанский государственный университет

Россия в межкультурном пространстве: история и современность

Что есть Россия? Об этом не одно столетие спорят историки, философы, культурологи. В чем сущность знаменитого русского духа, менталитета? Не первое поколение этнографов, психологов пытаются разгадать особенность русского характера, отличающегося особой стойкостью, выдержкой, самодостаточностью и в то же время некой беспечностью. Обращение к особенностям формирования менталитета русской нации дает возможность более глубокого проникновения в смысл отечественной истории, понимания истоков российской государственности, осознания силы и слабости русского народа, что, в свою очередь, должно способствовать формированию нового ценностно-смыслового ядра русского менталитета, опреде-

ляющего социально-психологические и нравственные установки народа. На формирование русской цивилизации оказывал влияние ряд факторов, среди которых следует выделить геополитический, а именно среднее положение России между Западом и Востоком, чем объясняется усложненность русского характера. Кроме того, философы видели в русской душе два начала — природное и религиозное, что вело к амбивалентности ее менталитета. Русский нес с собой анархизм и деспотизм, жестокость и доброту, мягкость, индивидуализм и безличный коллективизм, национализм и всечеловечность, смирение и наглость. Проблеме специфики российской цивилизации и выявлению особенностей ее развития посвящены многочисленные работы отечественных авторов: Н. А. Бердяева [1], И. А. Ильина [2], Н. О. Лосского [4], Г. П. Федотова [6], С. Семенова [5] и др. В философии и культурологии подобные цивилизационные образования получили название «пограничье культур». Обратимся к определению пограничной культуры у С. Семенова «Пограничные цивилизации — это целостные общности, исторически сформировавшиеся на границах между христианским, исламским, буддийским и языческим мирами и включающие в себя многие их элементы. Как правило, это политические объединения, которые сложились на протяжении многих веков и даже тысячелетий в результате симбиоза, то есть синтеза не только близкородственных, но и генетически далеко отстающих друг от друга культур» [5, с. 160]. Для пограничных культур выделяют следующие признаки:

- полиэтничность;
- поликонфессиональность;
- толерантность;
- религиозная веротерпимость;
- способность к культурной адаптации достижений и ценностей других культур;
- открытость и др.

Подобные цивилизации в последних исследованиях рассматриваются также сквозь призму завершенности и незавершенности, ряд авторов называют их «классическими и неклассическими». Для первых характерны устойчивость, завершенность формирования культурной системы, для вторых нестабильность, отсутствие сформированной системы культурных ценностей. Обозначенные вторые и есть пограничные. Я. Г. Шемякин выделяет структурную особенность «пограничных» цивилизационных

систем как преобладание принципа многообразия над принципом единства, гетерогенности над гомогенностью [10, с. 100].

Анализируя истоки формирования российской цивилизации, а также ее современное положение, следует отметить, что выше обозначенные признаки имеют свое яркое проявление в данном цивилизационном образовании. Российская цивилизация прошла ряд этапов своего становления, путь ее формирования был тернист. «Велик в своём служении и в жертвенности русский народ. Тих, и прост, и благодушен, и даровит в быту своём. Глубок, и самобытен, и окрылён в богосозерцании. Но страстна и широка его душа, и по-детски отзывчива на искушения и соблазны. И в детской беспечности своей забывает он перекреститься, доколе не грянет гром. Но грянул гром — и перекрестится; и сгинет нечистое наваждение...», — напишет И. А. Ильин, пытаясь понять сущность русского народа [2]. Действительно, российская цивилизация зарождалась и развивалась в постоянной борьбе, противоречивости. Сначала это было противостояние сменявшим друг друга ордам кочевников. Контуры будущей российской культуры вырисовываются в духовных представлениях культуры Среднего Поднепровья X–VIII веков до н.э., уже тогда земледельческие племена восточного славянства создали союз для обороны от кочевых киммерийцев, научились ковать железное оружие и строить могучие крепости. Формирование государственности также проходило в постоянном противостоянии кочевым племенам, от которых Русь брала свои черты. Весь последующий период развития восточнославянской цивилизации можно характеризовать как процесс ее естественного расширения до естественных границ. Процесс расширения этой цивилизации осуществлялся преимущественно духовным могуществом, а отнюдь не военной силой. Славянская духовная мощь организовала вокруг себя другие народы, подавляя противников и соперников силой добра и справедливости. Финно-угорские, а позднее многие сибирские народы были вовлечены в цивилизацию добровольно, без крови и насилия.

Важным этапом становления русской цивилизации станет обращение к христианской вере, связь с великой Византийской империей, давшей основы православной культуры, права, письменность. В эпоху раннего средневековья Византия, наследница и преемница греческой культуры и государственно-правовой организации Римской империи, была наиболее культурным, наиболее сильным

и экономически развитым европейским государством. Вполне естественно, что её влияние было определяющим на достаточно большом отрезке русской истории. С XIII в. Русь столкнется с новым влиянием, на сей раз золотоордынским, привнесшим свои устои и особенности в славянский быт. Вся начальная история формирования восточнославянской культуры свидетельствует о том, что российская цивилизация формировалась в недрах славяно-тюркской цивилизации с включением в нее финно-угорских и других этнических элементов, принадлежащих как Западу, так и Востоку.

Важным этапом становления российской цивилизации станет история Московского княжества, в период которого происходит формирование русской народности, многонациональности, созданной в основном на восточном принципе. Как точно скажет об этом периоде Н. Бердяев, «это была восточная культура, культура христианизированного татарского царства» [1]. В самом деле, после усиленной монголоизации русской культуры на протяжении почти двух с половиной веков, после военного присоединения к Московскому царству Казанского и Астраханского ханств, после «прирастания» Руси Сибири трудно было говорить о русской культуре как о разновидности западной. В XVI в. многие татарские мурзы, поступившие на службу к московскому царю, «записались» русскими, приняли православие, получили боярские титулы и вошли в правящую элиту Московского государства. Однако о чисто восточном характере русской культуры говорить тоже сложно.

Показательно, что символом русской государственности в Московском царстве стала на рубеже XV–XVI вв. «шапка Мономаха», породившая множество исторических и псевдоисторических легенд. Она представляла собой восьмиклинную тюркскую тубетку, отороченную мехом, увенчанную сверху четырехконечным греческим крестом и украшенную византийскими узорами. Так визуально было отмечено пограничье византийских и монгольских культурных традиций, пересекавшихся и взаимодействующих на территории Руси. Именно на рубеже XV и XVI вв. Московская Русь смело интегрировала культурно-цивилизационное наследие обеих исчезнувших империй, подготавливая почву для собственной империи. Происходившие с конца XVI и на протяжении всего XVII вв. цивилизационные потрясения (династический кризис, Смута и самозванство, народные бунты и религиозный Раскол) свидетельствовали о наступившем глубоком цивилиза-

ционном кризисе Руси (цивилизационном сломе) и подтверждали сохранявшийся за Русью статус глобального пограничья.

Следующий важный этап становления цивилизации связан с XVIII — началом XIX вв., когда происходило усиление европейской культуры, становление научно-технического прогресса, отделение церкви от государства, утверждение императорской монархической власти, усиление многонационального состава населения. Эти процессы были связаны с западным влиянием. XIX в. стал веком формирования национальной идентичности русского народа, когда произошло становление национальной музыки, языка, культурных ценностей.

Весьма интересен в процессе самоопределения современной российской цивилизации XX век. На осколках разрушенной империи развивалось новое советское общество, неся с собой иные принципы, отделявшие страну от европейских ценностей завесой коммунизма. СССР не сразу был принят как государство, это произошло только в результате угрозы со стороны агрессоров, после Рапальского договора 1922 г., да и то Запад долго пытался лавировать между Германией и советским государством, проводя политику умиротворения. Важным этапом стала Вторая мировая война, когда советский народ взял на себя основной удар и ответственность, выполнил, как и в прежние времена, миссию народа-освободителя.

После распада СССР настанет новый этап, связанный с формированием постсоветского общества с демократической формой государственного управления. Россия прошла тяжелый путь к правовому государству, становлению гражданского общества, восстановлению прежнего авторитета. Н. Бердяев в своей поздней (1946) работе «Русская идея» объяснял бинарность русской культуры («поляризованность», «противоречивость» русского народа, «противоположные свойства» и «крайности» в русском народе) сопряжением восточных и западных начал. «Противоречивость и сложность русской души, может быть, связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [1]. Каким бы простым и наивным ни казалось сегодня нам такое объяснение, в нем, безусловно, таится глубокий смысл, от которого невозможно совсем абстрагироваться.

Несомненно, пограничность русской культуры, продолжающая свое существование и развитие в новых исторических формах и в XXI в., — это интериоризация глобального культурно-цивилизационного пограничья в самих основаниях русской культуры, в ее менталитете; это экстраполяция пограничности на всю историю культуры России. Г. П. Федотов, например, полагал, что исторически сложившиеся «два полярных типа русскости, борьба которых главным образом обусловила драматизм XIX века», ответственны и за разделение на «правых» и «левых», славянофилов и западников, на «народ» и «интеллигенцию», а в конечном счете — на советскую культуру и зарубежную, эмигрантскую. Более того, раскол православной церкви, раскол просвещенного дворянства, раскол интеллигенции и даже самих революционеров — заложен в представлении русской «коллективной души» как «единства противоположностей» [7, с. 177]. Но вся эта двойственность русского человека, по Федотову, опирается на разный опыт участников — «активизм Запада и фатализм Востока». Анализируя историческое прошлое российской цивилизации, следует отметить, что ареал ее обитания во все времена и эпохи находился под тем или иным влиянием, что определяет ее пограничность сегодня. Об особом положении обозначенной страны свидетельствует тот факт, что в зоне столкновения основных потоков мирового цивилизационного процесса часто возникают какие-то специфические социокультурные образования, что показали исторические корни российской цивилизации. Первым, кто поставил вопрос об особом цивилизационном статусе России, был П. Я. Чаадаев. В своих «Философических письмах» он напишет: «Дело в том, что мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку» [9, с. 18]. Ряд последователей П. Я. Чаадаева, поднимая вопрос о месте России во всемирной истории, специфике ее собственной истории и культуры, о своеобразии ее государственности, пытаясь вникнуть и объяснить зигзаги исторического прошлого страны и народа, чаще всего обращались к философско-исторической схеме «Восток — Запад». Особенно остро данная тематика прослеживалась в идеологическом противостоянии 1840-х гг. в среде западников и славянофилов. Дальнейшее развитие идея «пограничности» между Западом и Востоком получила в XX в. В 1920–1930-е гг. сформировались два основных направления в трактовке цивилизационного статуса Рос-

сии: евразийство (Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, П. Н. Савицкий) и последователи идей Н. Бердяева, считавшего, что «...русский народ есть не чисто азиатский и не чисто европейский, Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира» [1]. Помимо Н. Бердяева, ко второму направлению можно отнести Г. П. Федотова, Н. О. Лосского [4] и др. На протяжении XX в. ученые дискутировали о роли российской цивилизации в системе Запад-Восток. Все концепции сводились к следующим воззрениям:

1. Россия есть либо Запад, либо Восток.
2. Россия включает черты и западной и восточной культур.
3. Россия есть отдельная цивилизация.

Окончание холодной войны и распад СССР еще раз привели к пересмотру параметров глобального пограничья, нашедшего свое выражение в постсоветской России. Возникший на месте биполярного мира мир полиполярный, в котором глобальные интересы США, Китая, объединенной Европы, исламского мира, России, Латинской Америки и других обобщенных субъектов современной мировой культуры активно соревнуются, борются, тесно переплетаясь между собой, по-новому высветил пограничное положение Российской Федерации в современном мире. Историческая роль России, вытекающая из ее промежуточного положения, возможно, и состоит в некоем посредничестве между культурами. Разделение на Запад и Восток достаточно устойчиво, однако, как показывает история, сами по себе эти культуры не способны жить в гармонии в силу своей односторонности. Российская цивилизация не является первой пограничной цивилизацией. К числу подобных относились Византия, Древняя Греция. Эти цивилизации сыграли важную роль в историческом процессе, в развитии мировой культуры, что еще раз доказывает необходимость их существования. К России можно относиться по-разному — любить, ненавидеть, но отрицать факт ее особого значения в межкультурном пространстве невозможно.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма [Электронный ресурс] / Н. А. Бердяев.— М., 1990.— Режим доступа : <http://www.magister.msk.ru/library/philos/.htm>.
2. Ильин, И. А. О России. Три речи. 1926–1933 [Электронный ресурс] / И. А. Ильин.— София, 1934.— Режим доступа : <http://project03.ru/PR/ii.php#PART1CH1>.

3. Миронов, В. В. Глобальное коммуникативное пространство и кризис культуры / В. В. Миронов // Вопросы философии.— 2006.— № 2.— С. 27–43.

4. Лосский, Н. О. История русской философии / Н. О. Лосский.— М, 1991.

5. Семенов, С. Иberoамериканская и восточноевразийская общности как пограничные культуры / С. Семенов // Общественные науки и современность.— 1994.— № 2.— С. 159–169.

С. В. Снапковская

Минск, Белорусский государственный университет

Когнитивный феномен «музейной педагогики» в образовательном процессе Республики Беларусь

Музей как источник образовательной информации впервые был обозначен еще в середине XVII века. Чешский педагог Я. А. Коменский использовал термин «музей» применительно к кабинету ученого, содержание которого всецело ориентировано на познание. Образование, как адресный институт передачи культурного опыта, всегда стояло перед проблемами определения форм его изучения и критериев оценки усвоения. Сложившийся механизм передачи культурного опыта через образовательные институты предусматривает освоение двух взаимосвязанных слоев культуры — слоя актуальной культуры, включающего синтез знаний, умений, навыков, необходимых человеку в современной жизни, и слоя культурного наследия, представляющего исторический опыт познания и творческого преобразования мира. Содержание культурного наследия включает в себя продукты духовной и материальной деятельности людей, представляющие собой эталоны, образцы и способы самореализации личности. Содержание актуальной культуры вбирает в себя способы и алгоритмы модернизации классических образцов и эталонов с целью развития уже освоенного опыта. Постигание слоя актуальной культуры обеспечивает процесс самореализации личности. Приобщение к культурному наследию развивает генетическую память, формирует логику познания и преобразования окружающего мира. Когнитивный феномен соответствует такой форме присвоения продуктов культуры, как изучение и понимание. В разнообразных